

МИРНЫЙ ДОГОВОР МЕЖДУ РОССИЕЙ И ЛАТВИЕЙ 1920 г. В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКО-ГЕРМАНСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ

Аннотация: В статье исследована политика РСФСР в отношении латвийского государства. Изучены регулировавшие процесс признания независимости Латвии договоры, предпосылки и обстоятельства латвийско-российских отношений, главными из которых являлось российско-германское противостояние. Латвия, почти 200 лет находившаяся в составе Российской империи, впервые получила статус независимого государства из рук РСФСР в результате договора 1920 г., более отвечавшего интересам лимитрофного государства, нежели обременённой проблемы бывшей метрополии. Однако уже тогда «демократическая» Латвия проявляла амбиции, свойственные «национальному шовинизму» молодого окраинного государства. Приход к власти в Германии национал-социалистов обострил прежнее противостояние в Прибалтике двух великих держав. В преддверии грядущей новой мировой войны Латвия потеряла обретенную в 1920-е гг. независимость. Но возврат её в состав СССР, правопреемника Российской империи, восстано-вившего прежнее статус-кво, отвечал не только геополитическим интересам Советского Союза, но и, в конечном счёте, интересам латвийского народа и государства.

Ключевые слова: Юриспруденция, Латвия, Россия, Германия, Советы, Договоры, Признание, Независимость, Условия, Отношения

Мирный договор с Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой от 11 августа 1920 г. является одним из главных событий на пути обретения независимости Латвийской республикой. РСФСР, исходя из провозглашённого ею «права всех народов на свободное самоопределение вплоть до полного отделения от государства, в состав которого они входят», безоговорочно признала «независимость, самостоятельность и суверенность Латвийского Государства» и «добровольно и на вечные времена отказалась от всяких суверенных прав, кои принадлежали России в отношении к латвийскому народу»¹.

Дальнейший ход событий, в частности, потеря Латвией независимости в результате вхождения её в состав Советского Союза в 1940 г., свидетельствуют о том, что в таких делах не бывает ничего «вечного». Это обстоятельство вновь и вновь ставит перед исследователями задачу более внимательного рассмотрения событий, связанных с образованием и ликвидацией латвийской независимости. Важность этой задачи подтверждает господство политизированных оценок, как правило, осуждающих Россию и её правопреемника – СССР, особенно за действия 1940 года, квалифицирующиеся в постсоветской Латвии как оккупация и

аннексия враждебного по отношению к Латвийской республике и агрессивного Российского государства. Так были оценены события конца 1930-х – 1940 г. официальными властями Латвии в декларациях: «О восстановлении независимости Латвийской Республики», принятой Верховным Советом Латвийской ССР 4 мая 1990 г., и «Об оккупации Латвии», принятой Сеймом Латвийской Республики 22 августа 1996 г.

Однако в последнее время все чаще раздаются трезвые голоса, требующие принимать во внимание особую «деликатность» проблемы², призывающие историков и политологов исходить в оценке латвийско-российских отношений из всего комплекса проблем, встававших в то время перед европейскими политиками. Необходимо учитывать все аспекты международных отношений, на развитие которых влиял самый главный европейский, да и мировой фактор – нацистская Германия, стремившаяся к мировому господству³. Немаловажное значение приобретает также объективная правовая оценка договоров, заключённых Россией с прибалтийскими странами.

² См.: Чубарьян А.О. Советская внешняя политика (1 сентября – конец октября 1939 года) // Война и политика. 1939 – 1941. М., 2001. С. 7–20.

³ См.: Орлов А.С. СССР и Прибалтика. 1939 – 1940 // Война и политика. 1939 – 1941. М., 2001. С. 192–206.

¹ Мирный договор между Россией и Латвией. М., 1920. 14 с.

Необходимо иметь в виду, что вся недолгая история Латвийского государства первого периода независимости, процесс становления и ликвидации суверенитета Латвийской республики напрямую были связаны с развитием российско-германских отношений. Прибалтика стала в первой половине XX в. тем регионом, где столкнулись интересы двух европейских держав, Российской империи, РСФСР, СССР и Германского рейха, стран, внутреннее развитие которых уверенно эволюционировало в сторону формирования авторитарных диктаторских режимов. С учётом этого обстоятельства и возможно приближающееся к истине рассмотрение не только предыстории, но и всей двадцатилетней истории Латвии в период между двумя мировыми войнами.

Ко времени, когда на повестку дня был поставлен вопрос о независимости, Латвия, а вернее сказать, земли, населённые латышами, уже два столетия находились в составе Российского государства. Весьма показателен и сам процесс вхождения этих земель в состав России. Он начался в ходе Северной войны со Швецией, итоги которой, в том числе юридические права на Лифляндию, были закреплены Ништадтским мирным договором 30 августа 1721 г.⁴ Россия, выплатив Швеции значительную контрибуцию, получила северную часть Латвии (Видземе) с городом Ригой, на территории которой была создана Лифляндская губерния.

Присоединив Лифляндию, российское правительство в абсолютной неприкосновенности оставило сложившуюся систему права: уголовного, гражданского, административного, особое сословное законодательство, судостроительство и судопроизводство. «Жалованные грамоты», дарованные Петром I лифляндскому (немецкому, в своей основе) дворянству и бюргерству, сохраняли все их прежние права и привилегии, в том числе на земли, отнятые в период шведской оккупации, на городское самоуправление и т.п.⁵

Второй этап собирания латышских земель в составе Российской империи связан с разделами Речи Посполитой (1772 и 1795 гг.), когда к Российской Империи отошла сначала Польская Инфлянтия – Латгале, а затем Курляндия (по просьбе курляндского рыцарства, обращённой к Екатерине II). Курляндское герцогство

было преобразовано в Курляндскую губернию Прибалтийского (Остзейского) края. Её жители получили гарантии соблюдения российскими властями прежних их прав, а также приобретения «прав, вольностей, выгод и преимуществ», которыми обладали российские подданные⁶. Так была создана определённая база для сохранения обособленности Лифляндии и Курляндии, господства доминировавшей со времён средневековья немецкой культуры и сохранения за немецким языком статуса официального языка.

Как отмечал известный русский правовед Б. Э. Нольде, «Россия позволила балтийским сословиям и обществам перевести с собою, через государственную границу, весь юридический свой багаж, не подвергая его таможенному осмотру, и отложила обстоятельный перебор его до другого времени»⁷.

Распространённое на Ригу общее для Российской империи Городовое положение 1785 г. предоставило гражданские права, в том числе право избирать и быть избранным в органы городского самоуправления, всем её жителям, независимо от национальности (ранее к «гражданам» причислялись только немцы). Однако это не изменило «особого» статуса Риги, который, как и привилегированное положение остзейского дворянского сословия, был юридически узаконен «Сводом местных узаконений губерний Остзейских» 1845 г.⁸

Тем не менее, можно согласиться с утверждением известного латышского общественного деятеля Г. Меркеля, что присоединение латвийских земель к России, объединив под скипетром одного государства территории, населённые латышами, обеспечило не только воссоединение латышского народа, но и его продолжительное мирное развитие. Это создало предпосылки для формирования в будущем национальной государственности латвийского народа⁹. Не привёл к посягательству на его традиционные воззрения и обычаи начавшийся в XIX в. «перебор» прежнего юридического багажа.

В царствование Александра II было положено начало политике интеграции Прибалтийского

⁴ См. его: Полное собрание законов Российской империи. Собр. Первое. СПб., 1830. Т. 6. № 3819. С. 420–431.

⁵ Жалованная грамота дворянству княжества Лифляндского. 30 сентября 1710 г. Жалованная грамота городу Риге. 30 сентября 1710 г. // Законодательство Петра I. М., 1997. С. 504–505.

⁶ Акт благородного рыцарства и земства герцогств Курляндского и Семигальского о подтверждении их ее императорскому величеству // Законодательство Екатерины II. С. 886–889.

⁷ Нольде Б. Э. Очерки русского государственного права. СПб., 1911. С. 358.

⁸ См.: Свод местных узаконений губерний Остзейских. СПб., 1845.

⁹ Миллер В. О., Милькисис Э. А. Политико-правовые взгляды Гарлиба Меркеля. М., 1977. С. 126.

края с особым «остзейским порядком» в общероссийское пространство. Были предприняты попытки закрепления статуса русского языка в качестве государственного в ходе перевода на него делопроизводства губернского правления и всех присутственных мест. Российская общественность в периодической печати стала обсуждать вопрос об ограничении привилегий прибалтийского дворянства, внесения изменений в положение ливонских крестьян, угнетаемых немецкими баронами, унификации судебной и школьной систем с внутренними губерниями империи. Эта политика вызвала жёсткое противодействие остзейского дворянства. Так, проф. Дерптского университета К. Ширрен в своём «Ливонском ответе» славянофилу Ю. Самарину подчеркивал, что «остзейцы ничего общего с русским народом не имеют, кроме принадлежности к одному государству»¹⁰.

Новая школьная политика в Прибалтике была продолжена Александром III. В 1880–1890-е гг. в образовательных государственных и частных учебных заведениях края постепенно стал вводиться русский язык. Современники положительно оценивали эту политику, подчеркивая «заботливость» правительства в отношении постепенного обрусения окраин и интеграции их в общероссийское пространство¹¹. Негативные оценки «русификаторская политика» Александра III приобрела позднее, у современных латышских политиков.

К концу XIX в. в латвийских губерниях заметно выросло русское население, осваивавшее прибалтийские земли в течение нескольких столетий. Русские стали второй по численности национальностью в Остзейском крае после латышей (8 % населения). Наибольшее число русских – 77 тыс. (15% от всего русского населения) приходилось на Латгалию, 68 тыс. (5%) – на Видземе¹². Проведённая в 1913 г. в Риге отдельная перепись населения выявила 88,7 тыс. жителей русской национальности (19% от всех жителей Риги). Значительная часть русских входила в состав администрации населённых пунктов и служила в полиции. В вооружённых силах их доля доходила до 70–80%, 10% составляли работники образования, науки, искусства, здравоохранения¹³.

С таким русскоязычным населением находившаяся в составе Российской империи Латвия встретила начало XX столетия, Первую мировую войну, русскую революцию и обретение независимости. Независимость впервые в истории латвийского народа была получена из рук РСФСР в условиях военного времени и в результате унижительных для России договоров с её главным противником в этой войне – Германской империей. В Прибалтике, ставшей аренной военных действий, столкнулись их интересы. Часть территории Латвии (Курземе) была оккупирована немецкими войсками уже в 1915 г. На другой её части (Видземе и Латгалия) располагались русские войска Северного фронта. В августе 1917 г. войска генерала Корнилова после поражения в боях с германской армией оставили Ригу. Линия фронта переместилась на восток, и немецкие войска заняли Земгале и Ригу. Между тем, на не оккупированных немцами территориях, в северо-восточной части Ливонии, латышские революционеры при помощи большевистских военных организаций в ноябре 1917 г. провозгласили советскую власть. В декабре 1917 г. правительство Советской России решило вопрос о включении в состав Советской Латвии четырёх уездов Витебской губернии (Латгалии), населённых латышами-католиками. Первое советское правительство Латвии (Исколат), располагавшееся в городе Валка, в свою очередь, издало декрет о национальном и государственном самоопределении Латвии.

Ослабление России разбудило аппетиты Германии в отношении Прибалтики и создало возможность для притязаний на включение её в состав Рейха. Германская военная администрация добилась от местных ландтагов оккупированных областей принятия решений об отделении Латвии от России и вхождении их в Рейх. На Брестских переговорах германское командование потребовало от советской делегации оставления за Германией 150 тыс. кв. км в Прибалтике (всю Курляндию, часть Ливонии, г. Ригу и Рижский залив с островами). Отказ Советского правительства удовлетворить эти требования послужил предлогом к срыву переговоров и к наступлению германской армии по всему фронту в Прибалтике. В течение 5 дней (18–22 февраля) вся Латвия

предложил к срыву переговоров и к наступлению германской армии по всему фронту в Прибалтике. В течение 5 дней (18–22 февраля) вся Латвия

¹⁰ Schirren C. Livlandische Antwort an Herrn Juri Samarin. Leipzig, 1868. S. 95.

¹¹ См.: Волков Н. Е. Очерк законодательной деятельности в царствование императора Александра III 1881–1894 гг. СПб., 1910. С. 10.

¹² Volkovs V. Krievi Latvija. Riga, 1996. С. 93.

¹³ Новоселов Ю. Русские в Латвии // Русские в Латвии. Рига, 1933. С. 7.

была оккупирована немцами, и германские войска вышли на подступы к Пскову¹⁴.

Подписанный 3 марта 1918 г. Брест-Литовский договор, однако, не провозглашал ликвидацию суверенитета России над Лифляндией и Эстляндией, что не мешало германским властям развернуть активную работу по установлению такого «государственного порядка», который был им угоден. Буквально спустя всего одну неделю после подписания договора на совещании представителей Верховного главнокомандования и имперского правительства о политическом положении в Литве и прибалтийских областях было принято решение о сохранении Германией «фактического господства» в этих областях «путем подчинения их своей верховной власти». Прибалтийские области (т.е. Курляндия – Литва, Лифляндия и Эстляндия) должны были объединиться в «единое государственное целое» и присоединиться к Германской империи¹⁵. 14 апреля объединённый ландтат прибалтийских земель такое желание высказал. «Единое сплочённое конституционно-монархическое государство с единой конституцией и единым управлением» присоединялось «к Германской империи путем личной унии с прусским королем»¹⁶.

В результате самостоятельность новых государств, получивших название «окраинных» (Rangstaaten), была отдана на откуп завоевателю, принявшему окончательное решение о создании из них некоего «союза» в рамках Германского рейха, включавшего Эстляндскую, Лифляндскую и Курляндскую губернии Российской империи. «Чтобы менее резко бросалась в глаза зависимость законодательства окраинных государств в регулируемых единым образом областях права, постановления о введении имперских законов в этих странах были окончательно исключены из вводной части и в изменённой и смяг-

чённой редакции помещены в конце», – значилось в письме статс-секретаря имперского ведомства внутренних дел имперским ведомствам. Существовала острая потребность завуалировать происходящее, поскольку «основная масса латышского и эстонского населения, как подчёркивал на одном из совещаний будущий президент Германии Фридрих Эберт, депутат рейхстага и правый лидер социал-демократии, является противником договора» с Германией, «если даже они и хотели отделения от России»¹⁷.

В связи с этим появилась необходимость договориться с Россией о её отказе от своих бывших территорий.

Советское правительство было вынуждено пойти на переговоры с немцами, открывшиеся в Берлине в августе 1918 г. Немецкая сторона считала, что «переговоры были трудными», поскольку советский полпред А.А. Иоффе «был уполномочен добиться также восстановления законного порядка в некоторых местах России, где ещё фактически существует состояние войны между нами и большевиками». Учитывая существующие условия, русские представители, тем не менее, «вели переговоры разумно и по деловому»¹⁸. В результате 27 августа 1918 г. был заключен «Добавочный договор» к Брест-Литовскому мирному договору, в ст. 7, гл. IV которого указывалось, что «РСФСР отступает от верховной власти над Лифляндией и Эстляндией»¹⁹.

Это немцы считали своим главным достижением, поскольку удалось добиться того, на что Брестский договор права не давал. В качестве эквивалента «за уступку русских» немцы любезно согласились «на прохождение через новые окраинные государства определённых неотъемлемых торговых путей» (ст. 8), благодаря чему Россия получала необходимый для экономики доступ к своим прежним портам – Реве-

¹⁴ Похлебкин В.В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах. Вып. II // Война и мирные договоры. Кн. 3-я: Европа в первой половине XX в. Справочник. М.: Междунар. отношения, 1999. С. 112–113.

¹⁵ Запись итогов совещания между представителями Верховного главнокомандования и имперского правительства о политическом положении в Литве и прибалтийских областях. 10–11 марта 1918 г. // Советско-германские отношения. От переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора. Сб. док. 1917–1918 гг. М., 1968. Т.1. С. 478.

¹⁶ Письмо министра финансов Пруссии статс-секретарю ведомства иностранных дел. Берлин, 1 мая 1918 г. // Советско-германские отношения. От переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора. Т.1. С. 514.

¹⁷ Письмо статс-секретаря имперского ведомства внутренних дел имперским ведомствам. Берлин, 31 июля 1918 г. // Советско-германские отношения. От переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора. Т. 1. С. 588, 604.

¹⁸ Письмо посланника Саксонии в Берлине министру иностранных дел Саксонии. Берлин, 29 августа 1918 г. // Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора. Т. 1. С. 638–639.

¹⁹ Русско-германский добавочный договор к мирному договору между Россией, с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией – с другой // Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора. Т. 1. С. 605–613.

лю, Риге и Виндаве. Немцы гордились также тем, что им удалось добиться признания своей «заинтересованности в существовании самостоятельной Грузии» (ст. 13). «Русским было совершенно ясно, что в противном случае Грузия досталась бы туркам». Теперь же «германский консул с помощью немецких военнопленных уже занял железнодорожные станции», – торжествовали в Берлине²⁰. Россия должна была выплатить Германии в возмещение понесённых ею и её гражданами убытков 6 млрд. марок²¹.

Революционные события в Германии в ноябре 1918 г. и капитуляция Германского рейха 11 ноября 1918 г. позволили правительству РСФСР денонсировать «грабительский» Брест-Литовский мирный договор, после чего оно активизировало своё участие в борьбе за установление советской власти в Лифляндии. Окраинные государства, в том числе и Латвия, стали рассматриваться Советской Россией как своеобразный плацдарм для прорыва блокады западных стран.

Развал кайзеровского режима подорвал немецкие позиции в Прибалтике и привёл к усилению влияния стран Антанты в этом регионе. На основе статьи XVI Компьенского перемирия, обеспечивавшей «свободный вход и выход из Балтики» всем военным и торговым судам Антанты²², в Прибалтику были введены её войска.

В ноябре 1918 г. изменился политический статус латвийских земель. При поддержке войск Антанты в Риге был сформирован Национальный совет, в который вошли представители правых латвийских партий. Манифестом 18 ноября 1918 г. Совет провозгласил независимость демократической Латвии в пределах исторических границ, сохранявших этнографическое

единство Курляндии, Ливонии и Латгалии²³. Обращаясь к гражданам Латвии, Национальный Совет проинформировал их о том, что Латвия отныне является «самостоятельным, независимым, демократическим, республиканским государством».

Совет сформировал временное правительство во главе с министром-президентом Карлисом Улманисом²⁴. С этого момента вся борьба «буржуазной» Латвии с Советской Россией велась от имени этого правительства, хотя главную роль в ней играли иностранные военные силы. Взамен развалившейся немецкой оккупационной армии в Прибалтике были сформированы новые немецкие военные формирования, поскольку Компьенское перемирие не предусматривало вывода германских войск из оккупированных ими российских территорий. Часть германской армии должна была сохраниться для борьбы с Советской Россией. Военные действия её с Германией, прекратившиеся 5 марта 1918 г., возобновились уже в начале декабря этого года. Теперь в Прибалтике действовали так называемый «ландесвер» из местных немцев-остзейцев с привлечением солдат оккупационной армии (на началах найма за предоставление земли и латвийского гражданства) и «Железная дивизия» – профессиональная военная добровольческая организация из унтер-офицеров и офицеров частей бывшей германской армии под начальством генерала Бишова²⁵.

Параллельно развивались другие события. На местах, даже там, откуда еще не ушли немецкие войска, стали воссоздаваться советы (в Валке, Лиенае, Митаве). 4 декабря 1918 г. в Валке создаётся Временное правительство Советской Латвии. Оно обращается к Советской России с просьбой оказать поддержку для изгнания немецких интервентов из Латвии. 22 декабря

²⁰ Письмо посланника Саксонии в Берлине министру иностранных дел Саксонии. Берлин, 29 августа 1918 г. // Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора. Т. 1. С. 638–639.

²¹ Там же. С. 640.

²² Компьенское перемирие было заключено 11 ноября 1918 г. между Германией, потерпевшей поражение в Первой мировой войне, с одной стороны и Францией, Великобританией, США и другими странами антигерманской коалиции с другой. Одним из условий договора являлось прекращение военных действий, немедленный вывод германских войск со всех оккупированных ею территорий на Западе. См.: Ключников Ю. В., Сабанин А. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. 2. М., 1926.

²³ Ключников Ю. В., Сабанин А. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. 2. С. 202.

²⁴ Улманис Карлис (1877-1942/1943 г.) – выпускник политехнического ВУЗа в Лейпциге, после эмиграции из Латвии в 1907 г. учился в университете Линколна в Небраске (США). Вернулся в Латвию в 1913 г. В феврале 1917 г. создал партию Латышский Крестьянский Союз, борющуюся за переход земли в собственность тех, кто на ней непосредственно работает. В 1941 г. К. Улманис был арестован органами НКВД и вывезен за пределы Латвийской Республики, дальнейшая судьба бывшего президента на сегодняшний день доподлинно не известна.

²⁵ Похлебкин В.В. Внешняя политика Руси, России и СССР... С. 115.

СНК РСФСР издаёт декрет о признании независимости Советской Латвии и об оказании «всяческого содействия её правительству»²⁶.

23 декабря этот декрет был ратифицирован ВЦИК РСФСР. Советской Латвии была предоставлена полная свобода в решении вопроса о присоединении или неприсоединении к России. «Факт принадлежности Латвии к царской империи, – говорилось в ратификации, – не налагает на неё никаких обязательств»²⁷. «Содействие» советскому правительству Латвии было оказано, и в конце декабря 1918 г. немецкие части были разбиты Красной Армией. 3 января 1919 г. латышские стрелки при поддержке частей Красной армии и рабочего восстания заняли Ригу.

Вскоре почти на всей территории Латвии была установлена советская власть. Немцы, правительство Улманиса и отступившие войска Антанты закрепились в Лиенае (Либаве), где на рейде стояла английская эскадра. Но победоносное шествие советской власти по территории Латвии оказалось недолгим, в марте 1919 г. в Лиенае из «немецких добровольцев» была сформирована армия под командованием фон дер Гольца, достигшая численности свыше 60 тыс. чел.²⁸ Летом 1919 г. в неё влился созданный под руководством немцев и на немецкие деньги корпус Белой гвардии под командованием полковника Бермонта-Авалова, который пополнялся за счёт завербованных в лагерях Германии русских военнопленных. В результате была создана так называемая западная русско-немецкая «добровольческая» армия, насчитывавшая более 51 тыс. солдат и офицеров и состоявшая на 4/5 из немцев. Она-то, преследуя свои корыстные цели – установления немецкого господства в Латвии – и обеспечила успех правительству Улманиса, освободив Ригу от малочисленных советских войск (их составляли около четырех тыс. латышских и 2,5 тыс. советских красноармейцев). К январю 1920 г. вся латвийская территория была занята правительственными войсками Улманиса.

30 января 1920 г. в Москве был заключён советско-латвийский «перемирный» договор, подписанный с советской стороны наркомом иностранных дел Г.В. Чичериным и его заместителем Л.М. Караханом, а с

латвийской – членами Национального Совета Андреем Фриденбергом и Фрицисом Мендерсом. В договоре о перемирии, определившем прекращение военных действий и разграничение территорий, на которых сохранялись разведённые войска, советская сторона обязалась эвакуировать с территории Латвии «только военное имущество РСФСР» и оставить в распоряжении латвийских властей всё «остальное русское имущество», в том числе технические приспособления железнодорожных станций и пути, «целыми и невредимыми». Такое же обязательство оно давало в отношении оставленного частного и общественного имущества²⁹.

Германский генеральный консул Г.В. Гросскопф, родившийся и выросший в Риге, трудившийся до войны в Германском посольстве в Санкт-Петербурге, наблюдая происходящее из Гельсингфорса (Хельсинки), столицы ещё одного «окраинного» государства, получившего самостоятельность из рук Советского правительства, так оценивал итоги военного противостояния России с её бывшими окраинами: «Из чувства самосохранения большевики напрягли тогда все силы против белых фронтов, а по отношению к окраинам, силы которых оказались недостаточными для перенесения войны на территорию Советской России, большевики держались пассивно, пуская одновременно в ход все дипломатические средства для достижения мирного положения. Большевиков побуждали к этому менее всего опасения военного характера. Главная причина было стремление прорвать кольцо блокады, чтобы получить из-за границы военное снаряжение и необходимые изделия для успешного ведения борьбы на белых фронтах. Вместе с тем стремления большевиков были направлены и к тому, чтобы через окраинные государства вступить в сношения со странами Запада, с намерением оказать на правительства этих стран давление в сторону снятия блокады и признания советской власти». Достижению мирного положения с окраинными государствами не могли помешать ни «вызванные в 1920 г. Францией выступления поляков», ни Врангель, ни «украинские самостийники Петлюры»³⁰.

²⁹ Договор о перемирии между Латвией и Россией. 30 января 1920 г. // Документы внешней политики СССР (далее ДВП). Т. 2. С.333–338.

³⁰ Гросскопф Г.В. Выбытие Советской России из мирового хозяйства и последствия, вызванные этим для народных хозяйств России и Германии. Гельсингфорс, 31 августа 1921 г. // Politisches Archiv des Ausvaertigen Amts (PA AA). Berlin. Personalia Grosskopf. Bd. 199 (1). S. 4–5.

²⁶ Декреты Советской власти. Т. 4. М., 1968 С. 242.

²⁷ Похлебкин В.В. Внешняя политика Руси, России и СССР... С. 115.

²⁸ Советско-германские отношения. Сб. док. Т.2. 1919–1922 гг. М., 1971. С. 171.

11 августа 1920 г. в Риге был заключён мирный договор между Советской Россией и Латвией³¹. Даже краткий анализ этого договора позволяет сделать весьма интересные выводы. Так, территория Латвии сложилась из ряда уездов Лифляндии (Рижского, Цесисского, Валмиерского и большей части Валкского), Курляндии, нескольких уездов Витебской и части Островского уезда Псковской губернии. Согласно договору обе стороны отказались от каких-либо расчетов, вытекающих из прежней принадлежности Латвии к России, и признали государственное имущество, находящееся на территории каждой из них, «неотъемлемой собственностью соответствующего государства». Латвия при этом получила право требовать возврата Российского государственного имущества, вывезенного с территории Латвии после 1 августа 1914 г. в пределы третьего государства. Россия признала «уничтоженным» право требования с «малоземельных крестьян» их долгов бывшему Российскому Крестьянскому Банку или другим, национализированным российским земельным банкам, а также недоимок и долгов, лежащих на помещичьих землях, бывшим российским банкам, правда, в том случае, если их земли перейдут к малоземельным или безземельным крестьянам.

Россия возвращала «за свой счёт» Латвии библиотеки, архивы, музеи, художественные произведения, учебные пособия и прочее имущество учебных заведений, учёных, правительственных, религиозных, общественных и сословных учреждений, вывезенных из неё во время мировой войны. Более того, оно согласилось на возврат того, что было вывезено до войны, если это имущество имеет для Латвии «существенное научное, художественное и историческое значение» и если «выдел их из российских хранилищ не причинит «существенного ущерба» российским учреждениям, где оно хранится. Ведать передачей должна была особая смешанная комиссия с равным числом членов от обеих договаривающихся сторон.

Россия обязалась передать Латвийскому Правительству все документы и материалы, вывезенные во время мировой войны: судебные и правительственные дела и архивы, архивы духовных ведомств всех вероисповеданий, государственных учреждений, местных отделений российских банков, частных учреждений, имущественные документы (купчие, закладные, арендные и прочие договоры и денежные обязательства). Все это могло иметь значение «для определения имущественно-правовых отношений латвийских

граждан». Из своих деловых архивов и делопроизводства центральных и местных учреждений Россия отдавала Латвии ту их часть, которая имела прямое отношение к областям, входящим в её состав. В Латвию возвращалось имущество всех общественных, благотворительных, культурно-просветительных учреждений, колокола и утварь церквей и молитвенных домов всех вероисповеданий, в том числе и православных.

Анализ договора позволяет говорить о беспрецедентном либерализме советского государства, которое пошло на удовлетворение всех требований молодого, но проявляющего непомерные амбиции латвийского государства. Оно истребовало у России всё вывезенное в годы войны имущество городов, обществ, частных лиц, почтово-телеграфного и телефонного ведомств, плавучих средств, железнодорожных средств сообщения, и всё в таком количестве, **«какое соответствует действительной экономической потребности Латвии как самостоятельного государства»** (выделено нами – Л.П. и К.Ш.).

Статья 8 договора регулировала вопросы гражданства. Гражданами Латвии признавались лица, ко дню ратификации договора проживавшие в пределах Латвии, равно как и беженцы, «проживающие в России, кои сами или их родители были до 1 августа 1914 г. приписаны к городским, сельским или сословным обществам на территории, составляющей ныне Латвийское государство». Лица той же категории, проживающие в пределах России, за исключением беженцев вышеуказанной категории, признавались гражданами России. В течение одного года с момента вступления договора в законную силу латвийская и российская стороны давали права оптации гражданства, при этом право принятия латвийского гражданства не ограничивалось национальной принадлежностью. Сделавшие заявление об оптации сохраняли свои права на движимое и недвижимое имущество в пределах законов того государства, в котором они проживают, а в случае выезда имели право ликвидировать его или вывозить его с собою.

В интересах Латвийской республики была решена Советским правительством и беженская проблема. По договорам РСФСР с лимитрофами о реэвакуации беженцев, которые, как правило, предшествовали договорам об оптации, беженцы получали право вернуться на места своего прежнего жительства лишь как репатрианты. Только один договор РСФСР с Латвией³²

³¹ Мирный договор между Россией и Латвией. М., 1920. 14 с.

³² Русско-латвийский договор о реэвакуации беженцев от

устанавливал по отношению к тем беженцам, которые имели право на оптацию, презумпцию, что они являются латвийскими гражданами. В других государствах беженство не давало права на получение гражданства, и многие вернувшиеся к месту своего прежнего жительства беженцы считались там иностранцами.

Учитывая возможность утраты за годы войны части подлежащего возврату имущества, Россия в двухмесячный срок обязалась выплатить Латвии «в счёт имеющих быть возвращёнными ценностей» аванс 4 миллиона рублей золотом, которые и были выплачены ранее оговорённого срока³³. Таким образом, условия мирного договора больше отвечали интересам Латвии, нежели России. Была заложена крепкая основа её экономического развития. Стороны провозгласили также «немедленное» по ратификации договора установление дипломатических и консульских отношений, экономических связей, и о предоставлении друг другу «права наиболее благоприятствуемой нации». 4 октября 1920 г. стороны обменялись в Москве ратификационными грамотами.

Однако отношения поначалу налаживались с трудом. Сказывалось стремление к безапелляционной национальной независимости, которое побуждало латвийское правительство к резкому отмежеванию от Советской России. В нарушение соглашения Латвия подвергла арестам, допросам и другим репрессивным мерам сотрудников открывшегося в Риге российского представительства, отказалась принять крупные заказы для латвийских заводов, стала чинить препятствия обустройству советского консульства в Либаве, задерживать возвращающихся из Америки русских эмигрантов, вычеркивая из списков репатриантов евреев, в связи с чем советский полпред вынужден был пригрозить полным разрывом «экономических взаимоотношений», которые уже «пустили глубокие корни и сулили в недалеком будущем расцвет Латвийской республики на пользу обоим народам»³⁴. На территории Латвии вплоть до окончательного разгрома войск Врангеля продолжался набор добровольцев в Белую армию.

12 июля 1920 г., вступивший в силу в момент подписания, без дальнейшей ратификации // СУ РСФСР. 1920. Ст. 262.

³³ Из годового отчета Народного комиссариата иностранных дел РСФСР к IX съезду Советов за 1920–1921 гг. // ДВП СССР. М., 1960. Т. 4. С.644–645.

³⁴ Нота полномочного представителя РСФСР в Латвии Министру иностранных дел Латвии Мееровицу. 29 апреля 1921 г. // ДВП СССР. Т. 4. С. 90–93.

Разрыв отношений с РСФСР был бы губительным для экономики молодого государства, поскольку разрушались многовековые торгово-экономические и прочие связи. Это хорошо понимал консул Гросскопф, которого трудно заподозрить в особой любви к «советам», но который называл позицию Латвийского правительства «манией величия молодого национального шовинизма». Вместе с произведёнными уже «разрушительными коммунистическими мероприятиями большевиков» она могла привести к уничтожению того, что составляло «залог развития, а отчасти и существования окраинных государств». Именно Россия могла, как он считал, стать главным потребителем производимых в Прибалтийских странах товаров, причём не только в силу традиции³⁵.

Что касается стран Запада, то они не спешили с признанием новых независимых государств, возникших на территории бывшей Российской империи. Они всё ещё рассчитывали на скорое свержение власти большевиков, на возвращение старых порядков в России, на восстановление статус-кво Российской империи в отношении Прибалтийского края, и продолжали оказывать поддержку антикоммунистическим силам в России. Министр иностранных дел Латвии Зигфрид Мееровиц³⁶, командированный за границу после подписания Мирного договора с Советской Россией, с большими трудностями добился поддержки западных стран. Однако пример России оказался для них заразительным. 26 января 1921 г. Англия, Франция, Италия и Япония совместным решением признали независимость Латвии, 18 июля 1922 г. это сделали США. В сентябре 1921 г. состоялось включение Латвийской республики в Лигу Наций.

Международное признание подтвердило де-юре существование на политической карте мира Латвийской Республики. Стали налаживаться отношения и с РСФСР, чему в немалой степени способствовало заключение Россией 16 апреля 1922 г. Рапальского договора с Германией. Наступала эра «рапальской политики» в Европе, умиротворения бывших непримиримых врагов, экономического сотрудничества и политического взаимодействия. Все страны получили

³⁵ PA AA. Berlin. Personalia Grosskopf. Bd. 199 (1). S. 7.

³⁶ Мееровиц Зигфрид Анна (1887–1925 гг.) – как и Гросскопф, выпускник Рижского политехнического института. Входил в руководящее звено партии Крестьянский союз. Первый министр иностранных дел Латвии. Погиб в автокатастрофе.

возможность мирного развития и разрешения возникающих противоречий дипломатическим путем.

Мирному развитию европейских стран был отпущен, однако, совсем малый срок. После прихода к власти в Германии национал-социалистов и утверждения канцлером Адольфа Гитлера в январе 1933 г. наступил период постепенного обострения отношений и нарастающей подготовки к зреющей на континенте новой войне. Территория Прибалтийских государств вновь превратилась в яблоко раздора между двумя усиливавшимися европейскими державами. Одна из них прямо заявляла о необходимости расширения «жизненного пространства» на Востоке, а другая, хотя и снявшая со своих знамен лозунг «мировой революции», но окончательно ещё не отказавшаяся от него, была вынуждена искать разные пути предотвращения грозившей катастрофы. Вновь, как и 20 лет назад, в Прибалтике сошлись интересы двух бывших партнёров по Рапальскому договору. Новый договор СССР с Германией 1939 г., защищая его геополитические интересы в условиях зреющей новой мировой войны, предотвращал установление господства на Балтике Германии. О стремлении к нему имеется много доказательств, начиная от визитов в страны Балтии германских военачальников летом 1939 г. и заканчивая открытыми заявлениями Гитлера о необходимости решения «прибалтийской проблемы». Германия активно разыгрывала «прибалтийскую карту», поддерживая прогерманские настроения в этих странах и действовавшие там организации фашистского толка³⁷.

Произошло то, что должно было произойти. Прибалтийские государства, получившие независимость из рук России, её же руками эту независимость потеряли, а бывшая Российская империя в лице своего правопреемника – СССР – приняла их в свои «нежные» объятия в качестве союзных республик. Вовлечение Прибалтики в сферу влияния СССР соответствовало задачам обеспечения безопасности в условиях начавшейся мировой войны с нацизмом. И в этом смысле оно отвечало не только интересам Советского Союза, но и самих Прибалтийских государств.

Библиография:

1. Мирный договор между Россией и Латвией. М., 1920. 14 с.

³⁷ См. подробнее о том: Орлов А.С. СССР и Прибалтика. 1939 – 1940. С. 192–194.

2. Чубарьян А.О. Советская внешняя политика (1 сентября – конец октября 1939 года) // Война и политика. 1939 – 1941. М., 2001. С. 7–20.
3. Орлов А.С. СССР и Прибалтика. 1939 – 1940 // Война и политика. 1939 – 1941. М., 2001. С. 192–206.
4. Ништадтский мирный договор 30 августа 1721 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. Первое. СПб., 1830. Т. 6. № 3819. С. 420–431.
5. Жалованная грамота дворянству княжества Лифляндского. 30 сентября 1710 г. Жалованная грамота городу Риге. 30 сентября 1710 г. // Законодательство Петра I. М., 1997. С. 504–505.
6. Акт благородного рыцарства и земства герцогств Курляндского и Семигальского о подержании их ее императорскому величеству // Законодательство Екатерины II. С. 886–889.
7. Нольде Б. Э. Очерки русского государственного права. СПб., 1911. С. 358.
8. Свод местных узаконений губерний Остзейских. СПб., 1845.
9. Миллер В. О., Милькисис Э. А. Политико-правовые взгляды Гарлиба Мерке-ля. М., 1977. С. 126.
10. Schirren C. Livlaendische Antwort an Herrn Juri Samarin. Leipzig, 1868. S. 95.
11. Волков Н. Е. Очерк законодательной деятельности в царствование императора Александра III 1881–1894 гг. СПб., 1910. С. 10.
12. Volkovs V. Krievi Latvija. Riga, 1996. С. 93.
13. Новоселов Ю. Русские в Латвии // Русские в Латвии. Рига, 1933. С. 7.
14. Похлебкин В.В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах. Вып. II // Война и мирные договоры. Кн. 3-я: Европа в первой половине XX в. Справочник. М.: Междунар. отношения, 1999. С. 112–113.
15. Советско-германские отношения. От переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапальского договора. Сб. док. Т.1. 1917–1918 гг. М., 1968; Т. 2. 1919–1922 гг. М., 1971.
16. Ключников Ю. В., Сабанин А. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. 2. М., 1926.
17. Декреты Советской власти. Т. 4. М., 1968.
18. Договор о перемирии между Латвией и Россией. 30 января 1920 г. // Документы внешней политики СССР Т. 2. С. 333–338.
19. Гросскопф Г.В. Выбытие Советской России из мирового хозяйства и последствия, вы-

званные этим для народных хозяйств России и Германии. Гель-сингфорс, 31 августа 1921 г. // Politisches Archiv des Ausvaertigen Amts (PA AA). Berlin. Personalia Grosskopf. Bd. 199 (1). S. 4–5.

20. Русско-латвийский договор о реэвакуации беженцев от 12 июля 1920 г., вступивший в силу в момент подписания, без дальнейшей ратификации // СУ РСФСР. 1920. Ст. 262.

References (transliteration):

1. Chubar'yan A.O. Sovetskaya vneshnyaya politika (1 sentyabrya – konets oktyabrya 1939 goda) // Voyna i politika. 1939 – 1941. M., 2001. S. 7–20.
2. Orlov A.S. SSSR i Pribaltika. 1939 – 1940 // Voyna i politika. 1939 – 1941. M., 2001. S. 192–206.
3. Nol'de B. E. Ocherki russkogo gosudarstvennogo prava. SPB., 1911. S. 358.
4. Miller V. O., Mil'kisis E. A. Politiko-pravovye vzglyady Garliba Merke-lya. M., 1977. S. 126.
5. Schirren C. Livlaendische Antwort an Herrn Juri Samarin. Leipzig, 1868. S. 95.
6. Volkov N. E. Ocherk zakonodatel'noy deyatelnosti v tsarstvovanie impera-tora Aleksandra Sh 1881–1894 gg. SPb., 1910. S. 10.
7. Volkovs V. Krievi Latvija. Riga, 1996. S. 93.
8. Novoselov Yu. Russkie v Latvii // Russkie v Latvii. Riga, 1933. S. 7.
9. Pokhlebin V.V. Vneshnyaya politika Rusi, Rossii i SSSR za 1000 let v ime-nakh, datakh, faktakh. Vyp. II // Voyna i mirnye dogovory. Kn. 3-ya: Evropa v pervoy polovine KhKh v. Spravochnik. M.: Mezhdunar. otnosheniya, 1999. S. 112–113.
10. Klyuchnikov Yu. V., Sabanin A. Mezhdunarodnaya politika noveyshego vremeni v dogovorakh, notakh i deklaratsiyakh. Ch. 2. M., 1926.
11. Grosskopf G.V. Vybytie Sovetskoy Rossii iz mirovogo khozyaystva i posled-stviya, vyzvannye etim dlya narodnykh khozyaystv Rossii i Germanii. Gel'-singfors, 31 avgusta 1921 g. // Politisches Arshiv des Ausvaertigen Amts (RA AA). Berlin. Personalia Grosskopf. Bd. 199 (1). S. 4–5.